

Станислав Ливинский

Уроженцы страны невезения

* * *

Дышим воздухом сплошь загазованным
и не лезем в карман за словцом,
и живём, как Пьеро, с нарисованным
и экзистенциальным лицом.

Уроженцы страны невезения,
расстояний, державных побед,
где застыл колеса обозрения
ископаемый жуткий скелет.

Виноград, узловатый и жилистый,
весь облеплен с утра мошкаррой,
и деревья вдоль речки извилистой
рассчитались на первый-второй.

Мы ж любовными тешимся ссорами,
наживая рубец за рубцом.
И колючка торчит над заборами,
притворяясь терновым венцом.

* * *

Не всё ль равно, чем пробуждать,
какому предаваться жару.
За неимением лиры взять,
допустим, можно и гитару.

И я бы мог до ста прожить,
как вы, без этой вот подзвучки.
Болезнь, к примеру, за «Анжи»,
гулять с красавицей под ручку.

Носить для важности очки
с надменным видом адвоката.
На даче делать шашлыки,
на дочке мэра быть женатым.

Жить, как обычный гражданин,
без эстетических туманов,
когда б не Пушкин, сукин сын,
когда б не сукин внук Иванов.

* * *

С каждым годом всё ближе, как у нас говорят,
потому я, дружище, каждой мелочи рад.

Приобняв молодуху, выпивать, словно ас,
и несчастному другу, что обнял унитаз.

Этим запахам в книжном, где торчу без рубля,
как эстет-передвижник, развлечения для.

Декламировать вирши, чтобы слух ублажать
и духовную пищу в морозилке держать.

А вернувшись с прогулки, заварить суррогат,
взять Иванова с полки и открыть наугад.

* * *

Подняться или же упасть,
свинцовой косточкой попасть
поэту в лунное сплетенье,
чтоб, как обычный человек,
он вскрикнул и упал на снег,
и не отбросил больше тени.

Но здесь иные времена.
Повсюду гаджеты. Цена
китайской розы иль турецкой.
Сплошное счастье и блага.
А мне бы тридцать два шага,
как отмерял мосье Зарецкий.

А мне бы тучки в небесах
да «Завещанье» в словесах.
Не потому ль на Карла Маркса
заныриваю в гастроном,
чтоб этот мир смешать с вином,
как будто бы пришелец с Марса.

* * *

Берёшь со скидкой в продуктовом
картошку и окорочка.
Живёшь давно на всём готовом
пусть и просроченном слегка.

Вокруг полно духовной пищи,
вот и очки, и книжный шкаф.
И сам пописываешь вирши,
от сладкой жизни подустав.

Зевнув, отклеишься от койки,
на кухню выползешь, скрипя.

А там в окошко смотрит сойка,
гипнотизируя тебя.

И рад бы слушать птичьи гимны,
но оперенье, как враньё.
Какой же, господи, противный,
ужасный голос у неё.

Как выступают важно мамы,
когда ведут детишек в сад.

И снег, как будто из рекламы,
с утра похож на маскарад.

* * *

Не друзей армейских, не присягу
я, дружок, запомню навсегда,
а пединститутскую общагу,
утро, послевкусие стыда.

В городке пристроек и барачков,
где случилось встретиться и жить,
задавила «скорая» собаку,
некому её похоронить.

Отнести хотя бы на помойку,
а потом пристроить собачат.
Прилетают голуби и сойки,
по кормушке клювами стучат.

И смешно заглядывая в окна,
из-за крошек ссорятся, как мы.
Я тебя, дружок, дежурно чмокну
и на свет шагну из полутьмы.

Там на остановке, замерзая,
проклиная город-бывший-сад,
люди в ожидании «сарая»,
как приговорённые стоят.

* * *

Кто в кишлаке, а кто в ауле
искал отечества химеру,
глотал свинцовые пилюли,
переходил в другую веру.

А может, грыз гранит науки,
как будто крыса тыловая,
и думал: если будут внуки,
о чём рассказывать — не знаю.

Мы ж, не носившие афганки,
их братья младшие, живые,
пусть на уме — одни гулянки,
любовей раны ножевые.

Составим заново цепочку —
обычную, не золотую.
Горячая остынет точка
и превратится в запятую.